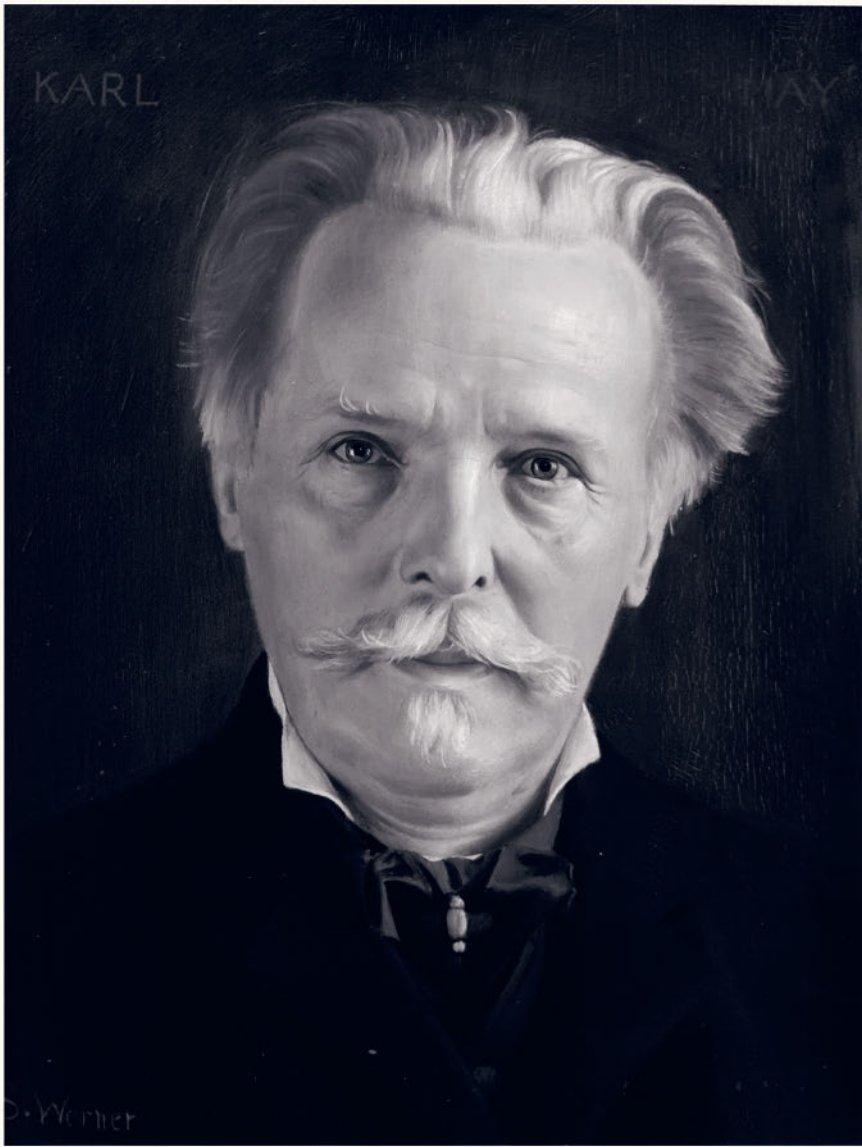

ҚАРА МАЙ

ҚАРА МАЙ

ВИНЕТУ. СЫН ВОЖДЯ

ИЛЛЮСТРАЦИИ
ЗДЕНЕКА БУРИАНА

АЗБУКА

Санкт-Петербург

ВСТУПЛЕНИЕ

Красный человек на грани вымирания! От Огненной Земли до североамериканских озер угасает неизлечимый пациент, подавленный неумолимой, не знающей жалости судьбой. Из последних сил противился он ей, но тщетно — его силы таяли, как весенний снег. И вот теперь это беззащитное тело, издающее слабые вздохи, во власти судорог и конвульсий, тех самых, что предвещают скорую смерть.

Виноват ли он сам в таком скоропостижном конце? Заслужил ли его?

Если верно, что все живое на Земле имеет полное право на жизнь и относиться к любому индивиду следует одинаково, значит и краснокожий обладает не меньшим, нежели белый, правом на существование, законно претендуя на эволюционное развитие в соответствии со своей индивидуальностью. Конечно, многие в наше время уверены, что у индейца нет никаких необходимых государствообразующих качеств. А верно ли это? Отвечаю: нет! Но не стану больше ничего утверждать, ибо это тема отдельного научного труда. Белый человек веками развивался вместе с природой: от охотника — к пастуху, а от пастуха — к земледельцу и промышленнику. У красного человека времени для этого не оказалось. Сама судьба не предоставила его. Индейцу пришлось совершить гигантский скачок с низшей, первой ступени, ступени охотника, на высшую, последнюю. При этом те, кто предъявляет ему сегодня невыполнимые требования, совершенно не думают о том, что он уже

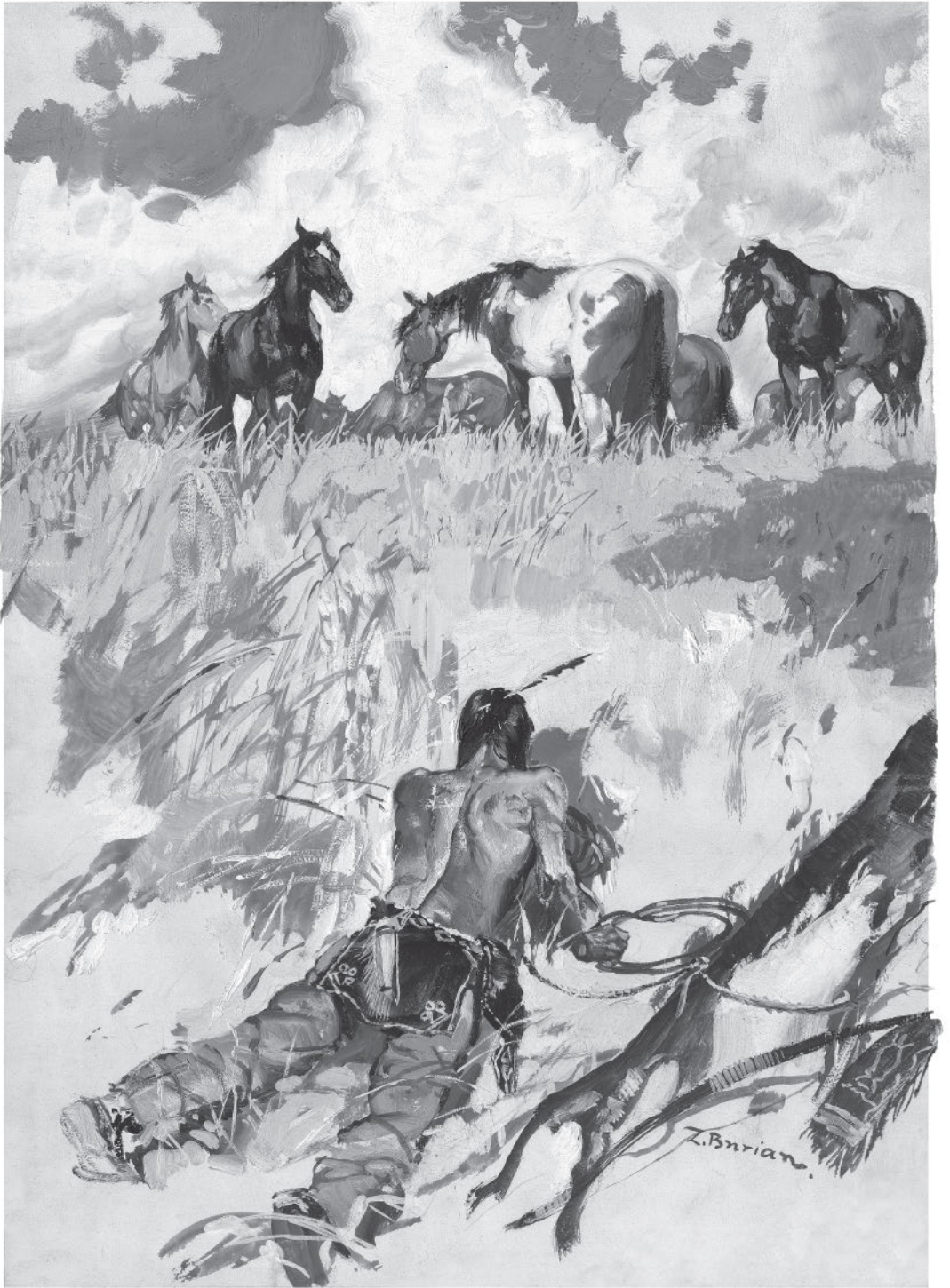
изначально был обречен на тяжелое падение со смертельным исходом.

Выживает сильнейший — таков жестокий закон бытия всей земной природы. Но мы все же должны понимать, что жестокость эта — всего лишь внешний атрибут. На самом деле она способствует христианскому прощению, ибо вечная мудрость, породившая этот закон, одновременно и вечная любовь. Но можем ли мы утверждать, что в отношении вымирающих индейцев совершен акт милосердия?

Индсмены встретили первых бледнолицых очень гостеприимно, поистине с божественным уважением. И что получили в ответ? У них отняли землю. Сколько при этом свершилось жестокостей и сколько пролито крови, знает каждый, кто читал историю «знаменитых» конкистадоров. Дальше — больше. Белые пришли со сладкими речами на устах, но с заточенными ножами за поясом и с заряженными ружьями в руках. Они обещали любовь и дружбу, а принесли ненависть и кровь. Краснокожие шаг за шагом вынуждены были отступать. Иногда белые на словах предоставляли краснокожим «вечное» право на их территорию, после чего снова продолжали преследование, прогоняя индейцев все дальше и дальше. При этом землю скупали за бесценок либо не платили вообще.

А потом индсмену поднесли медленно действующий яд, «огненную воду». За ней пришли оспа и другие отвратительные болезни, уничтожившие деревни и выкосившие целые племена. Когда красный человек заявлял о своих правах, ему отвечали порохом и свинцом. Он снова отступал перед превосходящими силами бледнолицых. Ожесточенный и загнанный в угол, краснокожий мстил каждому белому, повстречавшемуся на его пути. В ответ вырезались целые племена. Постепенно этот храбрый охотник, бывший когда-то гордым, правдивым, искренним и всегда верным своим друзьям, превратился в недоверчивое и лживое существо, тайно подкрадывающееся к своему врагу, чтобы нанести коварный удар. Но разве не белый виноват в этом?

Табуны диких мустангов, из которых краснокожий выбирал себе самого смелого скакуна, — где они сейчас? Где теперь

увидишь бизонов, когда-то миллионами обитавших в прериях? Чем он живет сегодня, этот красный человек? Мукóй и мясом, которые ему поставляют? Да вы только посмотрите, сколько извести и других «прекрасных штук» в этой мукé? Разве можно ее употреблять в пищу!

Как-то раз в одно из племен должны были отправить стадо скота из сотни жирных голов. По пути к месту назначения оно странным образом превратилось в пару-тройку старых, страшно исхудавших коров, от которых воротили шеи даже падальщики-грифы. Если красный человек займется хлебопашеством, сможет ли он рассчитывать хотя бы на худой урожай, он, бесправный, которого теснят со всех сторон и которому нигде нет пристанища? А ведь каким гордым и прекрасным он был прежде, когда летал над саванной, обдуваемый гривой своего верного мустанга! И каким жалким и опустившимся выглядит он ныне в лохмотьях, не прикрывающих его наготы! Когда-то смело вступавший в схватку с серым гризли, теперь он крадетсЯ по углам, словно шелудивый пес, ворующий или выпрашивающий мелкие кусочки полусгнившего мяса.

Да, теперь он болен и медленно умирает. А мы жалостливо стоим над его убогим ложем, но ничего не предпринимаем, чтобы хоть что-то изменить. Стоять у смертного одра — дело не из легких, но стократно ужаснее, когда это ложе целого народа. Множество вопросов мучает меня. И прежде всего — что произошло бы с индейцами, получи они достаточно пространства и времени для физического и духовного развития? И какую особую форму культуры потеряет человечество вследствие их гибели? Пусть этот умирающий не смог приспособиться, но неужели из-за своей самобытности ему грозит полное вымирание и нет никакой надежды на спасение? Даже бизонам нашлось место в Национальных парках Монтаны и Вайоминга, иначе они вымерли бы окончательно. Так почему же бывшим законным хозяевам земли нет места, где они смогли бы жить и духовно расти?

Впрочем, какая польза от таких вопросов на пороге неотвратимой гибели! Чем помогут упреки и стенания, когда вооб-

ще уже ничто не может помочь! И я не могу ничего изменить. Могу лишь скорбеть, но ведь мертвых не воскресить. Я... А почему, собственно, я? Только потому, что давно и хорошо знаю краснокожих, среди которых есть один, живущий в моем сердце и памяти чистым светом. Он, лучший из лучших и самый верный из всех моих друзей, всегда готовый на жертву, был подлинным представителем своей расы. И так же, как и эта раса, погасший от смертельной пули врага. Я любил его, как никого на свете. Я и сегодня продолжаю любить этот умирающий народ, чьим благороднейшим сыном он был. Не раздумывая, я пошел бы на смерть, чтобы только сохранить его жизнь. Ту жизнь, которой он сотни раз рисковал ради меня. Однако этого не случилось — он ушел, спасая своего друга. Но умер он лишь телесно. Здесь, на этих страницах, он продолжает жить, как живет он вечно в моей душе. Он — Виннету, великий вождь апачей! Его памяти я посвящаю эту книгу. И если читатель сумеет почерпнуть из нее правду о народе, чьим истинным вождем он был, я буду вознагражден.

Автор

Глава первая ГРИНХОРН

Знаешь ли ты, дорогой читатель, что означает слово «гринхорн»? Это кличка, обидная и презрительная. «Грин» — по-английски «зеленый», а «хорн» можно перевести как «щупальце». Стало быть, гринхорн — незрелый, зеленый, лишенный всякого опыта юнец, впервые попавший в чужую страну и потому вынужденный очень осторожно выпускать свои щупальца, чтобы не попасть впросак¹.

Гринхорн — из тех, кто не уступит стула леди; он первым протянет руку хозяину, прежде чем раскланяться с миссис или мисс; а заряжая ружье, он не тем концом вложит патрон или забьет в ствол пыж, затем пулю и только потом насыплет пороха. Гринхорн либо совсем не говорит по-английски, либо изъясняется чересчур правильно и изысканно; на него наводят ужас и язык янки, и выражения невежд. Гринхорн примет енота за опоссума, а хорошенькую мулатку² не отличит от квартеронки³. Он дымит сигареткой и презирает господ, жующих табак. Получив оплеуху от какого-нибудь Пэдди — то бишь ирландца, — гринхорн мчится жаловаться мировому судье,

¹ Карл Май дает собственное толкование понятия «гринхорн», которым на американском сленге величали новичков и иммигрантов. В среде ковбоев так часто называли учеников или помощников, которые не умеют арканить скот с помощью лассо. — *Здесь и далее примеч. переводчика.*

² *Мулат* (исп. mulato) — потомок от смешанного брака белых и негров.

³ *Квартерон* (исп. quarteron) — человек, один из предков которого в третьем поколении был негром.

вместо того чтобы, как настоящий янки, пристрелить обидчика на месте. Следы дикого индюка он примет за медвежьи, а узкую спортивную яхту — за пароход с Миссисипи. Ему претит положить свои грязные ноги на колени попутчика и хлебать суп, фыркая как издыхающий бизон. Чистоплотности ради он тащит с собой в прерию губку размером с гигантскую тыкву, не забывает и о десяти фунтах мыла, а в карман засовывает компас, стрелка которого уже на третий день пути показывает куда угодно, но только не на север. Гринхорн старательно запишет восемьсот индейских выражений, но при первой же встрече с краснокожими окажется, что все записи он давно отправил домой в последнем конверте, вот только само письмо, конечно же, осталось при нем. Прикупив порошу и решив выстрелить, Гринхорн вдруг замечает, что ему подсунули толченый древесный уголь. Лет десять он штудировал астрономию, но сколько бы ни пялился в звездное небо, так и не может определить, который сейчас час. Гринхорн обязательно заткнет нож Боуи¹ за пояс так, что при любом движении клинок впивается ему в бедро. На Диком Западе он палит такие костры, что огонь взмывает к верхушкам деревьев, и еще бесконечно удивляется, когда индейцы обнаруживают и обстреливают его убежище. Короче, Гринхорн — он и есть Гринхорн. И я сам когда-то был таким же незрелым ротозеем.

Только не думайте, будто мне приходило в голову хоть как-то подозревать об отношении ко мне этой презрительной клички. О нет! Отличительная черта всякого Гринхорна как раз и состоит в том, что он готов кого угодно считать зеленым юнцом, но только не самого себя. Напротив, мне казалось, что я весьма мудр и даже опытен. Ведь я получил высшее образование и не боялся никаких экзаменов. Своим юношеским разумом я не мог постичь тогда, что истинной школой является сама жизнь, ежедневно и ежечасно подвергающая учеников суровым ис-

¹ *Нож Боуи* — тяжелый охотничий нож с одной режущей кромкой и лезвием от 22 до 37 см. Изобретение полковника Джеймса Боуи, одного из погибших героев битвы за форт Аламо (1836), когда горстка техасцев пыталась отразить нападение многочисленного отряда мексиканцев.

пытаниям. Весьма плачевные события на родине и, признаюсь, врожденная жажда деятельности заставили меня перебраться через океан в Соединенные Штаты, где в то время молодому, напористому субъекту гораздо легче было добиться успеха, нежели теперь. Я мог бы недурно устроиться в восточных штатах, но меня тянуло на Запад. Занимаясь то тем, то этим, я вскоре кое-что подзаработал и, прихватив все необходимое, полный радостных надежд, добрался до Сент-Луиса. Там судьба привела меня в немецкую семью, предложившую мне приют и место домашнего учителя. В тот дом часто заходил некий мистер Генри, оружейник и большой чудак, отдававший свое ремеслу с пылом истого художника и с унаследованной от предков гордостью, называвший себя «мистером Генри, ружейных дел мастером».

Человек он был добрейший, хотя внешность и поведение производили прямо противоположное впечатление, ибо он не знал почти ни с кем, кроме упомянутой семьи. И даже со своими клиентами обращался столь неприветливо, что те продолжали ходить к нему только из-за отличного качества его товара.

Жену и детей он потерял в результате какого-то ужасного события. Мистер Генри никогда об этом не рассказывал, но по некоторым его словам я догадался, что его родные стали жертвой кровавого нападения. В этой горе, вероятно, истоки его вечной суровости и нелюдимости. Сам он, скорее всего, просто не замечал резкости своих манер, в душе оставаясь добрым и мягким. Не раз я видел, как у него на глазах выступали слезы во время моих рассказов о родине и соотечественниках, с которыми я всегда был и до сих пор остаюсь связан всей душой.

Почему старик проявил симпатию именно ко мне, чужаку, я долго не мог понять, пока он сам мне не объяснил. С тех пор как я появился в этой немецкой семье, он стал заходить туда чаще и нередко присутствовал на наших занятиях, по окончании которых мне приходилось уделять ему свободное время. В конце концов он пригласил меня к себе, но я не торопился воспользоваться приглашением, поскольку не хотел злоупотреблять гостеприимством такого человека. Как сейчас помню

гневное выражение его лица, когда однажды вечером все же зашел к нему, и тон, которым он меня встретил, не ответив на мое приветствие.

— Куда это вы вчера запропалились, сэр?

— Дома был.

— А позавчера?

— Тоже.

— Что за ерунда?

— Я говорю правду, мистер Генри.

— Хо! Желторотики вроде вас недолго прячутся в гнездышке. Они всюду суют свой нос, но только не туда, куда надо!

— И куда же мне надо было его сунуть, позвольте спросить?

— Сюда, ко мне, понятно? Я давно уже собирался задать вам пару вопросов.

— Так почему не задали?

— Потому что не хотел.

— А когда захотите?

— Может, сегодня.

— Так спрашивайте смелее! — нетерпеливо произнес я, усаживаясь на верстак, у которого он работал.

Мистер Генри удивленно посмотрел на меня, с сомнением покачал головой и ответил:

— «Смелее»? Может, мне и в самом деле спросить разрешения у такого гринхорна?!

Чувствуя себя оскорбленным, я наморщил лоб.

— Будем считать, мистер Генри, что это слово сорвалось у вас с языка случайно!

— Да что вы себе воображаете, сэр? Говорил я вполне обдуманно. Вы — настоящий гринхорн, да еще какой! Содержание прочитанных книг вы, похоже, действительно крепко усвоили. Не перестаю удивляться, сколько всего вы на родине сумели изучить! Молодой человек точно знает, как далеки от нас звезды, что там писал на камнях Навуходоносор¹ и сколько весит невидимый нами воздух! Зная все это, он воображает, что шибко умен! Но понюхайте жизни, лет эдак с полсотни, только тогда — и то не наверняка — вы постигнете истинную мудрость! Все ваши знания до сего момента, в сущности, просто ничто. А то, на что вы способны, — еще меньше! Вы даже стрелять-то не умеете!

Сказал это он в высшей степени презрительным тоном, да еще с такой уверенностью, будто успел уже убедиться в этом.

— Не умею стрелять? Хм... — ответил я не без улыбки. — Это и есть тот вопрос, что вы хотели мне задать?

— Именно! Отвечайте же!

— Дайте мне хорошее ружье, и все увидите сами.

Тут он нехотя отложил в сторону ружейный ствол, в котором делал нарезы, затем поднялся, подошел ближе, смерил меня удивленным взглядом и воскликнул:

— Дать ружье? Да ни за что на свете! Мои ружья попадают в руки только тем, кому я могу доверить свою честь.

¹ *Навуходоносор* — царь Вавилонии (605–562 гг. до н. э.), возглавлявший военные походы в Сирию, Палестину и Финикию, разрушитель Иудейского царства. Во время его правления сооружены знаменитые Вавилонская башня и висячие сады Семирамиды, а древняя вавилонская культура достигла своего наивысшего развития.

— Мои руки как раз подойдут, — возразил я.

Он снова взглянул на меня, в этот раз искоса, потом сел на прежнее место и принялся снова колдовать над ружьем, бурча под нос: «Вот так гринхорн! Его дерзость выведет меня из себя!»

Спорить я не стал, а вытащил сигару и закурил. Около четверти часа мы просто молчали, но дольше мистер Генри не выдержал. Он поднял ружейный ствол против света, внимательно поглядел в него и при этом заметил:

— Стрелять определенно труднее, нежели звезды считать или читать древние надписи, не так ли? Вы когда-нибудь держали ружье в руках?

— Думаю, да.

— А курок спускали?

— Конечно.

— И попадали?

— Еще бы!

Оружейник опустил ствол, снова смерил меня недоверчивым взглядом и спросил:

— Попадать — попадали, но куда?

— В цель, понятно.

— Черт возьми, сэр! Ну и болтун! Да вам и в стену не попасть, будь она хоть двадцать локтей в высоту и пятьдесят в длину! И вы нагло утверждаете совершенно невозможное с таким серьезным, внушающим доверие лицом, что я могу не сдержаться! Я же не мальчишка, которому вы даете уроки! Понятно? И этот гринхорн, книжный червь, вдруг утверждает, что умеет стрелять! Всю жизнь рыться в турецких, арабских и других невесть каких древних книгах — когда же у вас было время стрелять? А ну, снимите со стены вот этот старый флинт¹ и попробуйте-ка взять что-нибудь на мушку. Из него валят медведя — лучшего ружья не найти.

Я уверенно взял в руки ружье и прицелился.

¹ *Флинт* (нем. die Flinte) — тяжелое гладкоствольное охотничье ружье, заряжавшееся с дула; было основным боевым видом оружия пехоты европейских армий еще с XVII в.